

Разговор в Москве, дома у В.И.Жегалло, одноклассника М.Е.Соковнина, в присутствии К.К.Доррендорфа, учившегося в параллельном классе (выпуск 1956 года), про 123 московскую школу (июль 2016)

В.Ж. ...Прежде всего надо сказать, что и Соковнина бы не было, и нашей 123 школы не было бы без учительницы литературы Марлены Александровны Кардыш, дочери репрессированных венгров. В классе Соковнина она еще и классный руководитель, кажется, с седьмого класса.

У нее был, по-моему, очень хороший литературный вкус. Она давала нам представление не только о нашем всем и не очень напирала на то, чтобы мы знали, например, Джамбула....

Много было в программе лишнего?

В.Ж. Лишнего не было. Нам нужно было всё. Между прочим, у нас были практически все символисты.

В последнем классе?

В.Ж. Не могу сказать... потому что самую лучшую тетрадку по литературе, которая у меня была в жизни, Любарский спер перед экзаменами. Мы даже читали манифесты символистов.

А в высшей школе, между прочим, символистами тогда заниматься еще боялись (семинар Дмитрия Евгеньевича Максимова только и был...).

В.Ж. XX съезд — это пятьдесят шестой год, да? А у нас в школе оттепель началась немножко раньше. Когда мы собрались и сделали первый рукописный журнал, он назывался...

К.Д. ВОДКА — всешкольное общество декадентов, конструктивистов и анархистов...

В.Ж. Каждому была выдана пробка как членский знак. Я представил в журнал живопись: кажется, "Последний взгляд из-под колеса троллейбуса".

К.Д. Лешка Малашенко нарисовал картинку гуашью, которую Марлена очень оценила. Называлась она "Вылезание изгиблости": какая-то зеленая, болотного цвета квадратная емкость, и из нее — длинный указательный палец вылезающий, свешивающийся...

Журнал остался?

В.Ж. У Миши всё было. Костька уехал, правда, дом его уцелел; мой дом развален был полностью в Леонтьевском переулке, Мишин дом был развален тоже. Разрушение Москвы началось как раз с Брюсова переулка...

Кстати, вот такая история. Как-то Миша возвращался домой (он уже учился в вузе, году в пятьдесят восьмом)... Напротив его дома разрушали дом, в котором жила, кстати, наша однокашница (уже с девочками тогда объединились) Шаповалова. И вдруг дом этот разрушают. Стоит сержант, на всякий случай. И Миша спрашивает (он был чуть выпивший): "Скажите, пожалуйста, что здесь происходит?". А мент на него не реагирует. Тогда Миша приосанился и своим поставленным голосом: "Извините, я дворянин, и я хотел бы знать, что здесь происходит". И сержант Мише доложил.

Благодаря Марлене мы читали массу всего интересного. Причем Марлена удовлетворялась тем, что мы вот это прочли, и не экзаменовала нас. Она просто участвовала вместе с нами в наших разговорах...

В.Ж. А говорили мы чаще всего (правда, там Марлена не бывала, кажется) у Миши дома, в его комнате, где стояло замечательное бамбуковое кресло: садишься и задницей до пола достаешь, такое оно было полуразваленное.

Я помню деда Соковнина, с лысым черепом, высокого, аристократически дворянского вида. Он жил вместе с Мишей и Ольгой Михайловной. Дед знал латынь.

В.Ж. И вот у Миши дома мы обсуждали, например, философию Рамачараки <William Walker Atkinson>. Почему мы к ней приступили, я не помню, но, по моему, инициатором был Миша...

К.Д. У нас была с ним любимая книга, двухтомник индийской философии, Сарвепалли Радхакришнан, я ее Соковнину подарил.

В.Ж. В какой-то момент меня потянуло к экзистенциализму, и на день рождения Миша подарил мне "Введение в индийскую философию", и написал:

Наличие тенденции

В понятия «экзистенция»

Запутало понятие,

Что можно не понять ее,

А потому в волнении

С дрожаньем ног и рук

Дарю тебе "Введение",

Отмычку всех наук.

М.Е.Соковнин

Х. 58 г.

К.Д. А у меня был Гольбах с его инскриптом:

Дабы ученой цитатой бабахать,

Читайте на сон сочиненья Гольбаха.

Почему Гольбах — а это я осмелился какую-то муть написать насчет добра и зла (в старших классах), а Миша:

Один философский нахал

Трактат о добре и о зле намахал,

Когда же спросили его о Гольбахе,

Послышалось фыркание, охи и ахи.

А вот книга Николая Морозова «Откровение в грозе и буре», он мне тоже ее подарил, Николаем Морозовым мы интересовались.

Вы читали такого рода вещи по совету учительницы?

К.Д. Кто был генератором? Откуда это шло? Само собой это не порождалось.

В.Ж. Я всегда полагал, что генерирует это Миша...

А что еще обсуждалось с Марленой из такого, чего никак не могло быть в школьной программе?

В.Ж. Ну, например, Пастернак. У Марлены дома был небольшой сборничек Ахматовой, и Пастернак тоже был (по-моему, первое послевоенное издание). А повела она меня к себе, между прочим, потому что я прочел строки Пастернака у Гранина в "Искателях": "Приедается всё, / Лишь тебе не дано примелькаться...". Я писал какое-то сочинение, Марлена попросила телефон, я ей дал свою записную книжку, она открыла — а там у меня эти стихи. "Ты Пастернака читал?" — "Нет, это я Гранина." — "Пойдем, покажу". Ну и показала. Она жила на Малой Бронной, в какой-то узкой комнате, в коммуналке: трое соседей, не очень приветливых...

Вот с таких мелких подач у нас в голове что-то начинало здорово поворачиваться.

Вместе с Марленой мы ходили на Пикассо в Пушкинский и, выстояв длинную очередь, на выставку Дрезденской галереи.

Марлена в школе не удержалась, после нашего выпуска она чуть ли не на следующий год ушла преподавать в техникум. Она была жесткая...

К.Д. И брутальная. За словом в карман не лезла.

В.Ж. Поэтому ее в классе не все любили. В каком же году мы были у нее в гостях на новом месте жительства?.. уже ближе к Кремлю, напротив Военторга...

Терпели ее в школе? Ее поведение не было опасно для нее?

В.Ж. Я бы сказал иначе. Вообще-то говоря, педагогический коллектив, как я задним числом узнал, относился к ней с некоторой опаской — из-за ее прямоты. С пониманием и симпатией относился к ней Александр Сергеевич Гришин, преподаватель математики. Но вообще нам с учителями повезло.

Мальков и Соковнин общались с Марленой больше других?

В.Ж. Тогда было положено выпускать стенгазету, и в "В" классе, где Марлена была классной руководительницей, газета была замечательная. Мальков рисовал, Миша писал, заметки и всё прочее. А еще были стихи. Всего номеров было, наверно, два-три, и в единственном экземпляре делались, конечно.

Самый лучший номер был выпускной. Каждому было посвящено небольшое стихотворение. Про Малащенко, который потом стал биологом, Мишка написал:

Бедняга осами исколот,

И у него поднялся жар,

*Зато он *Osmia bicolor* <оса двухцветная>*

Нашел чудесный экземпляр.

К газете относились на полном серьезе, это была такая творческая тренировка.

И получивши там некий разгон, мы и затеяли свой рукописный журнал.

К.Д. А я сейчас вспомнил уже собственно Мишин рукописный журнал, он его с Мальковым делал.

В.Ж. "Дымоход"? Точно.

И все-таки ВОДКА. Там был манифест: символисты пишут, футуристы пишут, и мы тоже написали. Декадентом был, конечно, Миша. Костька, наверно, ты все-таки был конструктивистом... Получился очень задорный опус, и мы его

показали Марлене. Марлена прочитала, очень сдержанно отреагировала и сказала: "Только вы никому это не показывайте". Времена были еще не вегетарианские. XX съезд уже прошел (в феврале), но письмо о культуре личности еще не все прочли, оно же было засекречено. У меня мама была в "Международной книге" членом партбюро, притащила текст домой, и мы с отцом прочитали. Но вернемся к манифесту. Основная тема была — свобода творчества. Анархия — мать порядка, людям не нужна власть, у них хватает своих собственных мозгов. Но сказано это было весело, гораздо веселее, чем я сейчас пробую передать.

Были ли у вас в школьные годы Козьма Прутков?

В.Ж. Козьму Пруткова не проходили, но читали, скорее всего, с подачи Марлены.

Бессмертная вещь "Послание к М.Н.Лонгинову о дарвинизме". И сейчас, когда какая-нибудь гадкая личность начинает говорить что-нибудь против дарвинизма, я не могу удержаться, я всегда его цитирую.

По-моему, Марлена что-то процитировала из Пруткова, ну и...

Марлена нам исполнила набор студенческих песен.

К.Д. Не всегда приличных, между прочим.

Ходит Гамлет с пистолетом,

Хочет когой-то убить.

Он недоволен белым светом,

Не знает: "Быть или не быть?"

Евойная мать согрешила

И за другого пошла...

А другая была про Отелло, который,

...Мавр венецианский,

Один домишко посещал,

Шекспир узнал про это дело

И водевильчик накропал.

И много чего еще...

А Соковнин всерьез в школе стихи писал, т.е. не только шуточные и на случай?

В.Ж. Да. Это было на фоне чтения Блока и Брюсова и даже увлечения ими.

К.Д. Блока Соковнин даже изображал.

В.Ж. К Брюсову он долго сохранял интерес. И когда уже в музее Бахрушина работал, повел нас туда слушать "Огненного ангела" (граммофонные записи).

К.Д. Я увидел "Огненного ангела" в букинистическом магазине напротив Газетного переулка, в сафьяновом переплете, и стоил он 25 рублей. Зарплата у меня была, кажется, 100 рублей, я не мог себе позволить его купить — и всю книгу в магазине прочел. Это был, наверное, 68-й год.

А в библиотеки ходили? В Ленинку?

В.Ж. В школе мы могли тогда записаться только в юношеский зал, а там были очень бдительные тети. Как только Твардовский написал "За далью даль" и она вышла в библиотечке "Огонька", я, будучи там записанным и вообще регулярным читателем... Кстати, я записался туда потому, что, помимо всего

прочего, Марлена нам рекомендовала читать книги по литературоведению... В общем, я попросил дать мне нового Твардовского. "А кто вам его рекомендовал?" - "Услышал по радио часть текста, а теперь хочу почитать его целиком". Хрен я вам скажу, как на самом деле было! Меня дома научили...

К.Д. Вспомнил, как Марлена читала нам "Теркина на том свете" и восхищалась. Это восхищение многому меня научило:

То его в кавычки вставит,

То обратно оголит...

<У Твардовского обычно публикуется: «То возьмет его в кавычки, / То опять же оголит...»>

В.Ж. Твардовского мне тогда в Ленинке дали, но очень не понравилась морда библиотекаря. Я не имел дела со следователями, но впечатление было именно такое. Зато я видел некоторых сослуживцев матушки из Главлита.

Как только выяснилось, что отец не без вести пропал, а в плену, ее тут же изгнали из Главлита. У отца было несколько друзей, которые уцелели и которые все время вовремя встречали. Один из них устроил ее в радиокомитет. Потом и из радиокомитета ее убрали. По той же статье. Потом она оказалась в "Межкниге". Так вот, когда она рассказывала о реакции некоторых начальников... А я, когда у нее бывал, по коридорам ходил, видел этих начальников. Они у меня сложились в лицо такого одного человека. И вот я вижу по этой библиотечной тетке тоже такого же человека.

Понравилась тогда "За далью даль"?

В.Ж. Да. Я взахлеб читал.

Ура! Он снова будет прав...

Потрясающе совершенно.

А "Василия Теркина" просто, не "на том свете", вы в школе читали, конечно?

Почему интересно: Некрасов «Теркина» очень любил, вспоминал, как слышал его по радио, пел (уже в девяностых) «Я на речке ноги вымою....».

К.Д. Марлена принесла и читала.

В.Ж. Вот еще какая особенность у нашей школы была: на первом этаже огромная площадь была занята филиалом районной библиотеки.

К.Д. Писатель Носов ходил к нам...

В.Ж. И поэт Хаустов ходил.

В библиотеке было, ну, скажем, полное собрание Уэллса, которое для прочтения в средней школе не вполне рекомендуется. Причем книги там выдавали не как в обычной библиотеке: висел огромный ватман, там были книжки перечислены, по вертикали шли фамилии учеников, и каждый, прочтя какую-нибудь книжку, ставил свой крестик. Никто не халтурил, не обманывал, всё было на полном доверии. На уроке рисования предлагалось нарисовать обложку прочитанной книжки. Я пыхтел — срисовывать-то нельзя — по памяти восстанавливал рисунок на обложке молдавского писателя Емилиана Букова "Андриеш".

Марлена как-то выделяла Соковнина?

К.Д., В.Ж. Нет.

В.Ж. А свои стихи он ей показывал, например, поэму «Primavera».

Кроме того, Мишка поучаствовал в подготовке нашего выпускного капустника.

К.Д. Я тоже пытался поучаствовать, начал писать какую-то галиматью, а дописал уже ты, и потом эту твою песню мы пели на Красной площади: "Коты смотрели, как дрались вдрызг..."

В.Ж. А, да, действительно, эти строчки я помню, я только забыл, что они мои... А Мишкин этюд был сыгран.

А когда примерно был написан «Вариус»? Есть отдельные датированные началом семидесятых годов тексты, но совсем немного.

К.Д. Соковнин мне докладывал такую формулу: «Я архивариус собственной жизни. Но это слишком высокопарно. Моя жизнь не стоит того, чтобы заводить архив. И я "архи" устранию, остается просто "вариус"». Я помню определенную, сложившуюся интонацию. И приходится мне взять назад свои слова о том, что участие Малькова — 50/50 <было в разговоре 4 июля 2016 г.>, потому что интонация очень соковнинская.

В.Ж. Я помню, как Миша говорил о «Вариусе», а потом и читал отрывки, это было между 56-м и 61-м годами. Скорее это было в первой половине этого интервала.

В.Ж. Костька, а чье это:

Экие занозы вы...

К.Д. Битники из Лианозова.

Я думаю, что это дядя Лёня. Леонид Мартынов. И Соковнин, и Некрасов называли его "дядя Лёня".

Соковнин ходил к нему в литобъединение (однажды и я туда пошел, посмотреть, чего там делается). Называлось — "литробъединение". Это был 63-й год... Соковнин постоянно упоминал Мартынова. И стихи его цитировал. *Значит, Мартынов - это была общая у Соковнина любовь с Некрасовым?*

К.Д. Да. Но в первую очередь у Некрасова, Соковнин, по-моему, шел за Некрасовым в этом вопросе.

Менялся ли Соковнин со временем? Или не сильно? Или только физически?

К.Д. Хороший вопрос. По-моему, нет.

Соковнин ездил в Лианозово?

К.Д. Ездил. Я с ним вместе. И Наташа <Наталья Виловна Зейфман, жена К.К.Доррендорфа> там была один раз.

Михаил Евгеньевич когда-нибудь, грубо говоря, собирался быть писателем? Насколько он болезненно переживал то, что вряд ли ему удастся печататься?

В.Ж. Болезненно. Очень болезненно.

Это его подвигло, кстати, на участие в литобъединении. Он выступал на каких-то литературных вечерах, пользовался любым случаем, чтобы получить слушателя. Он не был герметичен. А как он читал лекции в Бахрушинском! С каким удовольствием!

А он пробовал куда-то ткнуться, чтобы получить отказ? Или даже понятно было, что пробовать бессмысленно?

К.Д. Носил стихи, мы мы вместе ходили в "Юность", по-моему, или в какой другой журнал. Ваншенкину, он тогда был чем-то вроде официального лица...